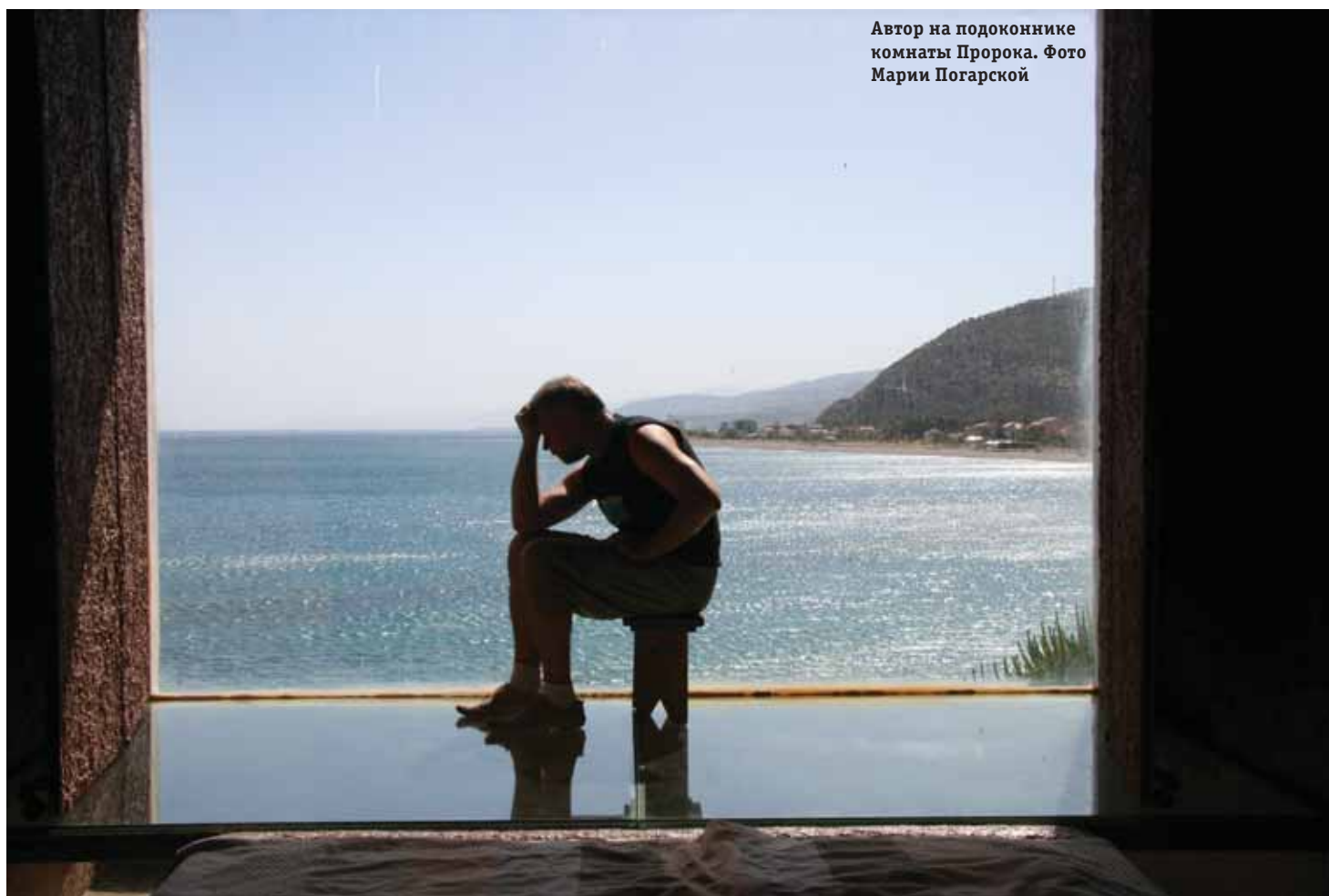

ОТЕЛЬ-МУЗЕЙ КАК СРЕДСТВО ПОГРУЖЕНИЯ В ИСКУССТВО

М. ПОГАРСКИЙ

Автор на подоконнике
комнаты Пророка. Фото
Марии Погарской

Если честно, положи руку на сердце, поражает ли посещение Лувра, Эрмитажа, Третьяковки или галереи Уфицци так, чтобы мурашки по спине пошли? Лично на меня эти помпезные, огромные, многолюдные картинохранилища нагоняли лишь тоску и уныние. Всегда было такое чувство, что ты на кладбище живших когда-то картин. Да и вообще, для чего посещать такие музеи? Разве что для галочки. Ни один человеческий мозг не в состоянии за час, за день, за неделю глубоко воспринять и проникнуть в сущность великих произведений искусства, число которых переваливает за тысячу. Лучше меньше, да лучше, как говаривал вождь мирового пролетариата. Лучше увидеть одну картину, чем проскользнуть взглядом по тысяче. И в этом смысле музеи одной картины, безусловно, стоят в авангарде искусства экспонирования. Но оказывается, можно пойти еще дальше! Совсем недавно мне посчастливилось не просто созерцать, но и пожить внутри самой настоящей арт-среды.

Скульптура
«Энергия
Средиземно-
рья». Фото
автора

Когда, поэт и художник Эвелина Шац предложила мне погостить у миллионера, мецената и художника Антонио Прести в его арт-отеле «Ателье сул маре» на побережье Сицилии в маленьком поселке Кастель ди Туза, я не очень понимал, куда и зачем я еду. Оказалось, стоило!

Чудеса начались с самого холла, стены и потолок, которого были оклеены статьями об этом уникальном отеле, повсюду лежали расписанные камни, а подле авангардной скульптуры из распиленного дерева, небольшой маятник, выписывал по воле случая и тяготения странные письма на песке.

Был вечер, мы были вымотаны дорогой, казалось, стоит взять ключ от номера, и все, отбой, спать. Но не тут-то было. Нас поселили в комнату Пророка, посвященную великому итальянскому мэтру Паоло Пазолини. Когда ключ со странным сучковатым брелком оказался в замочной скважине в стене, тут же в движение пришел какой-то механизм, и узкая металлическая дверь стала подобно мосту в средневековых замках опускаться вниз, пропуская нас в очень узкий и длинный проход, который завершался небольшим лабиринтом из глинобитных стен и зеркал. Потолкавшись в разных направлениях, мы обнаружили ванную и две комнаты, решенные в предельно минималистском духе. Стены, потолок и основание огромной квадратной кровати были отделаны глиной с вкраплениями хлебных колось-

ев, неровный волнообразный вход, наводил на ассоциации с горной пещерой, сквозь узкие прорезы вместо окон сочился тусклый свет. Мы оказались внутри какой-то мрачной Йеменской постройки из фильма великого режиссера «Цветок 1001 ночи». Вверху по квадрату стен написана цитата на арабском языке из поэмы Пазолини «Моему народу». Спать в этой комнате было не просто жутко, но, наверное, и невозможно. Спасли сумасшедшая усталость и добрый глоток вина. Утро полностью перевернуло пространство комнаты и погрузило сознание в новые аллюзии и смыслы. Огромное во всю стену окно тут же напомнило киноэкран, на котором из темно-синего моря вставало оранжево-красное солнце, освещая скалу-утес, энергетика которого, безусловно, напоминала характер режиссера Пазолини. Под широким стеклянным подоконником, как продолжение пляжа лежал песок со странными следами-пиктограммами. Душ в этом номере, разумеется, тоже был совершенно экзотическим. Собственно это был и не душ, а небольшая авто-мойка! И это могло бы показаться странным тому, кто не знает историю смерти Паоло Пазолини. Дело

Монумент на
смерть поэта.
Фото автора

в том, что семнадцатилетний убийца Джузеппе Пелози, несколько раз переехав тело поэта его же собственным автомобилем, спокойно уехал на авто-мойку отмывать машину от пролитой крови.

В отеле-музее не было ни традиционных телевизоров, ни мини-баров, ни фенов, да что там говорить — не было даже самых обычных стаканов! Предельный лаконизм, все подчинено исключительно задачам искусства, а удобство постояльцев стояло здесь на самом последнем месте. Разумеется, жить в нем было не очень комфортно, но ведь и не ради комфорта все это затевалось.

Согласно замыслу Антонио Прести, для того, чтобы прочувствовать произведение искусства, нужно полностью погрузиться в него, стать его частью, набить шишек о неудобные углы, ощутить запах творчества. Для этого он приглашает известных художников со всего мира, которые начинают работать в формате гостиничного номера. Всего в отеле 40 номеров, из которых 20 стандартных (хотя и эти стандарты очень далеки от общепринятых) и 20 артистических.

Некоторые из номеров были заняты, а остальные нам удалось посмотреть. В номере «Гнездо», художника Паоло Икаро, большую часть комнаты занимает кровать, по форме напоминающая то ли и в самом деле гнездо, то ли половинку огромного яйца. За стеклянной дверью ванной комнаты расположен душ, чем-то напоминающий поилку для птиц и кривоватое зеркало с изломанными краями как у яичной скорлупы.

Номер Фабрицио Плесси «Отрицание моря», единственный в отеле имеет телевизор, причем не один, а сразу шесть. Расположенные под самым потолком они повторяют одну и ту же картину — морской прибой, около скалы рядом с отелем. Настоящее море было найти не так-то просто, поскольку все стены состояли из деревянных дверей, потыкавшись в которые, вы могли попасть и в гардероб, и в ванную, и в тупик и, наконец-то, на балкон, с которого открывается реальное море.

Мне, как редактору альманаха «Треугольное колесо», особенно любопытным оказался номер «Тринакрия» художника Мауро

Стациоли. Тринакрия — это древний символ Сицилии, повторяющий треугольную форму острова. Открыв треугольным ключом треугольную дверь, мы попали в комнату, состоящую из сплошных треугольников. Белая треугольная кровать, вписанная в угол комнаты, красная треугольная ширма, делящая пространство наискось, тень от этой ширмы упавшая на кровать, по замыслу художника, должна напоминать пылающий вулкан Этну. И вообще вся колористика комнаты отсылает к теме вулкана: красные цвета — раскаленная лава, серые — пепел, черные — лава застывшая.

Очень впечатлила и «Комната мечтаний и знаков» (авторы Ренато Курцио и Агостино Феррари). Она закручена как гигантский свиток, испещренный странными письменами и знаками, которые продолжают на покрывале кровати и на потолке. Здесь можно отыскать все от древних наскальных рисунков и египетских символов до множества палочек, напоминающих японский иероглиф «прекрасное». Ванная этого номера устроена как каскад водопадов, последний из которых и устремляется в душ.

Еще один шедевр — комната Земли и Огня художника Луиджи Майнолфи. Стены, пол и потолок этого номера выложены изломанным рыжеватым кафелем. И когда сквозь окна бьет яркое сицилийское солнце, впечатление такое, что она объята горячим пламенем. Ставни раскрываются подобно

Лабиринт
Ариадны. Фото
автора

Комната «Земли и огня». Фото автора

магической книге Просперо. А кровать, стоящая на одной ножке, чуть ли не парит перед огромным окном. Из мебели в комнате только один металлический стул, спинка, которого, закручиваясь словно дым, уходит под потолок.

А вот в комнате Мауризио Мочетти «Энергия», я бы, наверное, не выдержал долго, несмотря на все мое восхищение. Выполненная в пурпурных тонах, с освещением, бьющим из под кровати, с окном в широкой красно-пожарной раме, открывающимся поворотом вдоль центральной оси и разделяющим балкон на две половины.

Впрочем, и в комнате Пророка стены давили на нас своей тяжестью и перегруженностью трагических смыслов. Поэтому мы сначала перебрались в светлую и легкую комнату живописи (Пьеро Доразлио, Гразиано Марини), расписанную изогнутыми разноцветными полосами, изгибы которых повторялись и в линия медных трубок душа, и во множестве струй, льющихся из этих трубок. А потом переехали в «Башню Сигизмунда» художника Рауля Руйза. Круглая комната с черными стенами действительно напоминает башню. Почти все пространство занято круглой метра три в диаметре кроватью, которая медленно едва заметно вращается вокруг своей оси. Над головой — квадратное окно, створки которого открываются вверх. И когда ночью над моей головой засияли яркие

Кровать в комнате «Гнездо». Фото автора

южные созвездия, мне почему-то вспомнились строки Владимира Маяковского «Послушайте, если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно...». Художник, создавший удивительное пространство этой комнаты действительно зажег, как-то совершенно по новому преподнес сущность далеких звезд.

Я чувствовал, что попал, не просто в отель-музей и не только внутрь творческого потока художника, но в некое странное кастанедовское место силы. Место, которое выводит тебя на абсолютно неведомые до сих пор взаимоотношения с искусством. О мелких житейских неудобствах здесь не вспоминаешь, как женщина со временем забывает о дискомфорте высоких каблуков, так и тебе здесь кажется совершенно естественным пить вино из горлышка бутылки, сидя на вращающейся круглой кровати.

В Ателье сул Маре искусством пропитано практически все. Посуда для завтрака покрывалась орнаментом из маленьких черных человечков тут же за соседним рабочим столом. Внизу в зале для поэтических вечеров была небольшая мастерская для керамики и даже на побережье моря встречались расписанные кем-то камни.

Вечером за ужином, состоявшим из странных спагетти с лаймом, завитых в колечки мелких жаренных рыбок и белого сицилийского вина, я расспрашивал Антонио Прести о его взглядах на жизнь и на искусство.

Сын «цементного» короля, унаследовавший огромное состояние, Антонио стал не просто одним из меценатов, тратящих деньги на приобретение и поддержку искусства, но и сам активно включился в творческие процессы и стал едва ли не самым крупным в Италии генератором арт-идей. Помимо отеля-музея, он выступил со множеством других инициатив, самой грандиозной из которых был парк скульптур под открытым небом Фьюмара ди Арте. Парк растянулся на десятки километров вдоль извилистой речки Фьюмара Шумара. Начинается он с монумента на смерть поэта, воздвигнутого художником Тано Феста. Огромное тридцатиметровое синее окно на берегу моря, пронзенное столь же величественным стержнем, служит своего рода входом в парк и выходом в небо. Орнамент из декоративных облаков сливается с реальными облаками, и при всей кажущейся простоте выводит тебя из обычной реальности на территорию переменчивых смыслов искусства. Двигаясь вдоль реки вглубь острова, вы неожиданно натываетесь на гигантскую абстракцию из двух прорезанных и сложенных вместе пластов черного и белого. Эта

скульптура Пьетро Консарга посвящена памяти отца Антонио — Анджело Прести и называется «Матери здесь могло и не быть». Чуть далее перед вами предстанет «Кривая за плечами времени» сотворенная Паоло Скъваокампо - гигантская изогнутая арка из ржавого металла в извилах которой словно теряется само время. Но вот уж, действительно, где можно потеряться, так это в «Лабиринте Ариадны» (Итало Ланфредини), который расположен на живописном холме и издавна напоминает пульсирующее сердце. Есть в этом удивительном парке и «Энергия Средиземноморья» (Антонио ди Палма) — гигантская бетонная волна, упирающаяся на синие камни. Есть и странная «Комната золотой лодки» японского скульптора Нагасавы, о которой можно лишь догадываться, поскольку лодка находится в запечатанном наглухо гроте. По идее Нагасавы, даже ничего не знающий о ней человек, проходя мимо, должен ощутить действие силы искусства. Впрочем, на территории Фьюмата де Арте, как и в Ателье сул Маре действие этой силы не покидает тебя никогда.

Современные художественные музеи сегодня все чаще принимают форму мультифункциональных пространств, объединяющих галереи и выставки, мастерские художников, арт-студии, арт-отели. Их появление — свидетельство конкуренции со стороны подобных описанной институций.

Слева.
Окно в комнате поэта. Фото автора.

Справа.
Внешний вид отеля. Фото автора